

Восточноазиатская интеграция как объективный процесс межцивилизационного соперничества

© 2014

В. Балакин

Проводя курс на ослабление влияния США в восточноазиатском регионе, КНР прежде всего делает ставку на использование «мягкой силы». Под давлением объективных обстоятельств китайское руководство отказалось от прежнего принципа «не высовываться» и перешло к осознанной политике, нацеленной на региональное лидерство.

Ключевые слова: Китай, США, восточноазиатская интеграция, «мягкая сила».

Процесс восточноазиатской интеграции во многом был стимулирован экономическим и внешнеполитическим подъемом Китая, породившим вероятность его грядущего мирового лидерства. В повестку дня встал вопрос о структурировании восточноазиатского региона, а именно: будет ли региональная интеграция осуществляться «вокруг» Китая (т.е. исключительно в Восточной Азии) или же процесс пойдет по линии формирования полицентричной системы на просторах Азиатско-Тихоокеанского региона¹. Влияние названных вариантов региональной интеграции, по мнению многих международных экспертов, будет представлять собой главную парадигму исторического развития мира в XXI в.

Различные аспекты восточноазиатской интеграции так или иначе затрагиваются в многочисленных работах российских и зарубежных ученых, однако до настоящего времени нет ни одной специальной научной работы, в которой освещались бы все ее аспекты в комплексе.

Активный процесс восточноазиатской интеграции в межкризисный период 1998–2008 гг. ощутил на себе влияние широких дискуссий на тему о «глобальном лидерстве». Ключевой вопрос: возможность смены прежнего мирового лидера в лице США на растущего нового лидера в лице КНР. «Закат» американского лидерства прогнозируется уже давно, что объективно стимулируется вызреванием новых «центров силы», предлагающих в качестве региональной и глобальной политики концепцию многополярности². Причиной вызревания этой тенденции стало эгоистическое стремление Соединенных Штатов жестко контролировать все и вся как на глобальном, так и на региональном уровнях.

Первым этому в межкризисный период воспротивился Китай, направив острие своих усилий в самую болезненную точку американского доминирования в Восточной Азии — стал стимулировать процесс постепенного ухода от доллара как единственной мировой резервной валюты к единой азиатской валюте.

Еще одним направлением «вытеснения» США из восточноазиатского региона стали предпринимаемые КНР усилия по структуризации относительно слабых регио-

нальных организаций безопасности, отсекая их под различными предлогами от американского участия.

Многие авторитетные международные эксперты задаются вопросом относительно реальности утраты Вашингтоном статуса мирового лидера (в частности, на региональном уровне в Восточной Азии), где формируется модель нового международного порядка, закладывается система взаимоотношений, основанных на взаимовыгодных договоренностях между региональными суверенными государствами³.

С экономической точки зрения, взаимные договоренности в регионе должны прежде всего касаться базовых параметров общего регионального рынка, включающего в себя поэтапный переход от зоны свободной торговли к единому таможенному пространству и далее — к полноценному интеграционному образованию.

В межкризисный период роль восточноазиатского лидера взял на себя Китай, привлекая суверенные государства восточноазиатского региона открытием своего внутреннего рынка для их товаров и тем самым экономически побуждая партнеров к созданию единой интегрированной системы взаимоотношений без прямых политических предпочтений. Становится все очевидней, что в обозримой перспективе Вашингтону весьма сложно будет противопоставить китайской интеграционной модели в Восточной Азии какую-либо внятную, а главное — позитивную альтернативу своих долларовых приоритетов в международной торговле. Проводя курс на ослабление влияния США в восточноазиатском регионе, КНР делает ставку на использование так называемой «мягкой силы».

На «американском направлении» китайское руководство умело использует тактику «двойного воздействия», привлекая на свой внутренний рынок прямые американские инвестиции в виде крупных высокотехнологичных производств при одновременных усилиях по освоению американского внутреннего рынка через приобретение интересующих Китай высокотехнологичных активов⁴. В межкризисный период постепенно сложилась ситуация практически полного доминирования на рынках восточноазиатского региона китайского экспорта товаров, произведенных китайскими предприятиями по американским лицензиям. В конечном результате высокотехнологичный экспорт Китая в страны Восточной Азии стал настолько конкурентоспособен, что выстраивать против него какие-либо барьеры, в том числе нетаможенные, объективно не представляется возможным. Экономическое присутствие КНР в восточноазиатском регионе становится доминирующим.

Ряд международных экспертов высказывают серьезные сомнения относительно американских прогнозов о сохранении в обозримой перспективе лидирующей роли США в рамках перехода крупных общественных формаций от индустриального к информационно-финансовому укладу. С наступлением XXI в. США стремятся перенести акцент в своем развитии с реального промышленного производства и экспорта товарной массы на захват мировых рынков посредством монополии на печатание главной мировой резервной валюты — доллара. Сохранение данной монополии Вашингтон бескомпромиссно подкрепляет использованием своей военной мощи, не останавливаясь перед грубым нарушением общепризнанных норм международного права.

В межкризисный период многим государствам Восточной Азии удалось добиться существенных технологических достижений, однако сохраняющийся отрыв США в критических технологиях, особенно в сфере новейших вооружений, пока что не дает тому же Китаю пространства для более гибкого стратегического маневра⁵. Но ничто не вечно, и даже в сложившихся условиях Вашингтон чувствует себя в определенной степени скованным из-за своей финансовой зависимости перед Китаем, способным в любой момент потребовать оплаты накопленных им гигантских резервов в ценных бумагах США.

Китай в ближайшие годы намерен решить весьма амбициозную задачу, суть которой сводится к смене американской парадигмы глобализации, которая ориентирована на исключительное право США определять параметры развития мировой экономики. В межкризисный период КНР провела серьезную подготовительную работу, взяв в качестве полигона для своего интеграционного эксперимента Восточную Азию. Пока еще трудно судить о том, что конкретно предвидится под глобализацией по-китайски, но уже сегодня понятна суть позиции Пекина, представляющей собой китайское стремление дать региону и миру подходы к международному интеграционному взаимодействию, принципиально отличные от американских. Восточная Азия наилучшим образом подходит для китайских экспериментов с региональной интеграцией, поскольку здесь налицо серьезный исторический потенциал мощного цивилизационного влияния Поднебесной⁶. Конфуцианская цивилизация в отличие от всех других цивилизаций, существующих на Земле, смогла сохранить непрерывную тысячелетнюю преемственность и в этом смысле является реальной философской альтернативой западному пути развития.

Многие международные эксперты справедливо отрицают тезис, что успехи развития отдельных восточноазиатских государств обусловлены всего лишь приспособлением их реалий к «западному опыту». Передовые страны Восточной Азии развиваются отнюдь не линейно, они в ряде случаев эффективней, чем Запад преодолевают кризисные явления последнего времени. Тот же Китай умело приспосабливает новые реалии международных взаимосвязей к проверенным веками культурным традициям восточноазиатского региона, амортизируя попытки Запада навязывать миру его понимание процессов развития⁷. Логика современного цивилизационного противостояния все более связана с отторжением американской модели военного и финансового доминирования, перерастая в многовариантный вызов самой сущности глобального лидерства США. Китайское руководство стремится использовать тягу восточноазиатских государств вернуться к своим национальным истокам, что вполне удастся использовать на эмоциональном уровне, несмотря на периодически возникающие конфликты (зачастую умышленно инспирируемые местной «пятой колонной» Вашингтона).

Исследователи в последнее время отмечают еще один феномен, способный изменить расклад сил в Восточной Азии. Такие восточноазиатские субъекты со стагнирующей экономикой, как Япония и Тайвань, все более тяготеют тем, что их воспринимают в мире как членов западной коалиции с весьма ограниченным государственным суверенитетом. Руководство КНР искусно играет на ущемленном самолюбии японской и тайваньской элит, побуждая их к более активному отстаиванию национальных интересов⁸. Если в случае с Тайванем основной акцент делается на культивировании общеазиатских цивилизационных ценностей, то на японском направлении китайская дипломатия выстраивает многослойную внешнюю политику, предпочитая использовать экономические рычаги и пользуясь сложившейся за долгие годы ситуацией, когда крупный японский бизнес основательно «увяз» в хозяйственной жизни КНР. Сомнительная, на первый взгляд, идея создания антиамериканской коалиции постепенно начинает овладевать умами китайского истеблишмента, а интеграционная модель КНР для Восточной Азии, судя по всему, обретает очертания, ранее немыслимые: помимо АСЕАН, Тайваня, обеих Корей, она потенциально могла бы включить Японию, да и Россию.

Как ни странно, названная политико-дипломатическая коалиция вполне способна в перспективе сложиться на фоне явных попыток США сколотить в АТР так называемый «англосаксонский альянс» в составе Канады, Австралии и Новой Зеландии. Правда, у этого альянса изначально отсутствует системный интегратор в виде общего экономического интереса, поскольку американцы прежде всего обеспокоены не уровнем развития реального производства, а сохранением своего финансового доминирования в качестве единственного долларowego эмиссионного центра. Очевидно, что Пекин осознает это стратегически слабое место в американской внешней политике на Дальнем Востоке и с

чисто китайским дипломатическим изяществом косвенно поощряет недальновидные региональные проекты Вашингтона в военной сфере⁹.

Наращивание американской военной мощи в Восточной Азии позволяет Китаю обоснованно проводить ускоренную модернизацию собственных вооруженных сил, отдавая при этом приоритет их морской составляющей. Обострение территориальных конфликтов в прилегающих акваториях дает КНР возможность провести «разведку боем» и спрогнозировать вероятные масштабы возможной антикитайской коалиции в Восточной Азии при возникновении региональных конфликтов различной мощности, включая параметры американской стратегии ядерного сдерживания и ее реальной поддержки со стороны местных союзников Вашингтона.

Поскольку глобализация оказалась процессом значительно более сложным, чем это представлялось в XX в., Китай был вынужден в межкризисный период менять как бы «на марше» собственные устоявшиеся глобальную и региональную концепции стратегического поведения на перспективу. Руководство КНР отказалось от исповедуемого продолжительное время принципа Дэн Сяопина «не высовываться», перейдя к осознанной подготовке страны к принятию функций регионального лидера.

С точки зрения китайских экспертов, чтобы КНР стала неоспоримым лидером в Восточной Азии необходимы три условия:

- должен быть создан постоянно модернизирующийся экономический механизм;
- национальную валюту (юань) необходимо довести до уровня самой привлекательной региональной валюты;
- Народно-освободительную армию Китая следует сделать способной нанести фатальный ущерб любому противнику.

Одновременно китайское государство и общество должны превратиться в некую ойкумену, реально противостоящую своей неповторимой культурой любым западным духовным ценностям. Только добившись регионального лидерства Китай может претендовать на роль лидера мирового, готового повести за собой другие государства, ищущие возможность повысить свой созидательный потенциал и при этом сохранить большую часть своего суверенитета¹⁰.

В обозримой перспективе КНР вполне способна обеспечить более 50% мирового экономического роста, а это означало бы, что вся Восточная Азия станет супер-регионом, интеграционная модель которого сделает заявку на пересмотр всего глобального экономического, а вслед за этим и международного политического порядка. Теоретически конфуцианская ойкумена вполне способна в обозримой перспективе бросить серьезный вызов западному сообществу.

Китай на протяжении нескольких десятков лет был государством, реально страдавшим от экономического и политического давления Запада и всегда оказывавшим жесткое сопротивление попыткам «великих держав» ограничить его суверенитет. США по разным причинам стремятся решить проблему «роста КНР» путем понуждения Пекина к «мирному вхождению» в сложившуюся систему международных отношений и всячески препятствуют китайским попыткам реализовать независимую стратегию, особенно на региональном уровне. Вашингтонских стратегов, в частности, реально беспокоит сформулированный Китаем курс на осуществление интеграционной модели в Восточной Азии, поскольку она построена на конфуцианской этической системе и по сравнению с американской парадигмой свободна от унижающих самолюбие восточноазиатских государств продвижения любыми средствами идеи «неоспоримого превосходства» США в мире¹¹. Характерно, что даже такой военно-политический союзник Вашингтона как Япония, в последнее время пытается (хотя и робко), воспринимать КНР в качестве альтернативы американскому доминированию.

Итак, дилемма выбора между Китаем и США вырастает практически для всех восточноазиатских государств в весьма непростую проблему, решение которой растянет-

ся на многие годы. Нельзя не признать, что у Пекина в перспективе будет немало шансов обустроить Восточную Азию по своему усмотрению.

-
1. *Soesastro Hadi*. Regional Integration in East Asia Achivements and Future Prospects // *Asien Economic Policy Rewiew*. Tokyo, 2012. P. 220.
 2. *Wo Xinbo*. East Asia: Building a Community in the 21-st Century // *Center for Strategic and International Studies*. Washington, 2011. P. 26.
 3. *Zhang Yongnian*. China and International Relations // *Routledge*. London, 2010. P. 46.
 4. *Bergsten. F.C.* China and Economic Integration in East Asia Implications for the United States // *Peterson Institute for International Economics*. Washington, 2008. P. 180.
 5. *World Bank*. The East Asiam Miracle // *Oxford University Press*. New York, 2012. P. 70.
 6. *Peng, Dajin*. Ethnic Chinese Business Networks // *African and Asian Studies Center*. Shandong Universitu. Qingdao, 2010. P. 229.
 7. *Qing Yaqing*. Prospects for East Asia Community // *Trilateral Commission Report*. Tokyo, 2012. P. 177.
 8. *Li Xing*. East Asian Regional Integration: From Japan-led “Flying-geese to China-centred “Bamboo-Capitalism” // *Alborg University*. Denmark, 2013. P. 15.
 9. *Jeong Kyong’ah*. The Asia Pacific and the Discourage of the “East Asia Community” // *Tohoku daigaku Asia kenkyu center*. Japan, 2013. P. 46–49.
 10. *Такадаб Хоба*. Тоа то Сэкай [Восточная Азия и мир] // *Нисида сётэн*. Токио, 2012. С. 10.
 11. *Leviste J.P.* The Pacific Lake // *The Philippine Council for Foreign Relations*. Manila, 2013. P. 80.